

Рахамим ЭМАНУИЛОВ
Андрей ЯШЛАВСКИЙ

Террор

**ВО ИМЯ
ВЕРЫ**

**РЕЛИГИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
НАСИЛИЕ**

Рахамим Эмануилов

**Террор во имя веры: религия
и политическое насилие**

«Мосты культуры»

2011

Эмануилов Р.

Террор во имя веры: религия и политическое насилие /

Р. Эмануилов — «Мосты культуры», 2011

В монографии на основе широкого круга источников раскрываются идеологические основы «религиозного терроризма», рассматриваются региональные особенности и политическая подоплека экстремистских движений от ХАМАС до «Аль-Каиды» и других в тесной связи с глобальными процессами в современном мире. Авторы анализируют религиозные террористические группировки с 40-х годов XX в. до наших дней. Особо исследуются истоки экстремистских и сепаратистских течений на постсоветском пространстве, формулируются принципы и методы противодействия их распространению. Для историков, политологов и широкого круга читателей.

© Эмануилов Р., 2011

© Мосты культуры, 2011

Содержание

Введение	5
Глава 1. Исламистский террор: норма или извращение	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Р. Я. Эмануилов, А.Э. Яшлавский

Террор во имя веры: религия и политическое насилие

Введение

В списке глобальных вызовов, угрожающих современному миру, международный терроризм, вероятно, может стоять под номером один.

Террористическая угроза не является исключением, пожалуй, ни для одного государства – крошечной страны или супердержавы, государства с деспотическим правлением или с почти неограниченной демократией. Наряду с другими вызовами, стоящими перед человеческой цивилизацией – проблема распространения оружия массового поражения, наркоугрозой, экологическими проблемами, голодом и бедностью в странах третьего мира и другими, – терроризм несет не только непосредственную угрозу своими конкретными проявлениями, но и скрывает далеко идущие последствия для самых разных сфер человеческой жизни. Принимая в целом мысль, что терроризм есть оружие слабых, приходится в то же время признать, что это сильное оружие, несущее огромную угрозу. Согласимся с мыслью, что «сила слабого максимальна, когда она деструктивна. Раньше малочисленные силы могли устроить убийство, менявшее ход истории, но никогда им еще не удавалось так потрясти современный мир»¹. Будучи проявлением асимметричного насилия, идущего «снизу», терроризм конца XX – начала XXI столетия качественно отличается от терроризма предшествующего времени. На фоне процессов глобализации, распространения новых способов массовой коммуникации, угрозы неконтролируемого распространения оружия массового поражения проблема экстремизма и терроризма приобретает совершенно новое звучание, становясь значительным фактором не только внешней и внутренней политики большинства государств, но и повседневной жизни миллиардов людей на всей планете.

Что такое современный терроризм? Детище нашего времени или же просто модернизированная форма политического насилия, древнего как человечество? Существует ли генетическая связь между последователями Усамы бен Ладена и левацкими боевиками немецкой «Фракции Красной армии» или между шиитскими боевиками ливанской «Хезболлы» и русскими народовольцами? Или, может быть, феномену «Аль-Каиды» следует искать объяснение в недрах исламской религии? Без четкого осмысления корней терроризма крайне трудно (да и возможно ли вообще?) понять это явление, ставшее в последние десятилетия главным вызовом мировой безопасности. А без понимания невозможно и эффективно бороться с террористической угрозой. Где и когда именно родился феномен терроризма – вопрос очень спорный. Ясно одно: место его рождения не в песках Аравии, не в оазисах Магриба, не в стенах медресе Центральной Азии... К этому мы еще вернемся, а пока надо задаться другим вопросом.

Вообще, когда мы говорим о терроризме, мы должны четко понимать: *а что, собственно говоря, такое терроризм?* На первый взгляд особых вопросов тут быть не должно. Терроризм (от латинского *terror* – страх, ужас) – незаконное использование насилия (убийства, взрывы, захваты самолетов, зданий, заложников и т. д.) или угрозы насилия на негосударственном уровне против личностей или собственности для запугивания или изменения курса правительства, гражданского населения или любой его части для достижения политических или социальных целей. Казалось бы, довольно четкое и ясное определение. Но и оно вызывает

¹ Пенн М.Дж., Залесн Э.К. Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М., 2009. С. 488.

немало вопросов. Немного слов чаще употребляются каждый день сотнями средств массовой информации, чем слова «терроризм», «террористический», «теракт», «террористы». Но за этим частым употреблением не теряется ли истинный смысл этих понятий? Существует масса определений терроризма в словарях, справочниках, научных монографиях. Одни из них приближаются к сущности этого феномена, другие блуждают где-то далеко. И вопрос этот далеко не ограничивается чисто академическим интересом. Поиск четкого определения этого понятия имеет и вполне прагматическое, прикладное значение для самых различных сфер – от международных отношений до уголовного права.

Тут следует согласиться с теми авторами, которые указывают на то, что, в частности, «отсутствует криминологическое понятие терроризма, а его определение в российском уголовном законе вызывает серьезные сомнения. Не полностью выписана феноменология терроризма, не выделены его отдельные проявления и в целом отсутствует его типология, несмотря на то что некоторые разновидности террористических актов обладают весьма специфическими чертами, не присущими другим. Неразработанность типологических вопросов препятствует адекватному пониманию природы и причин рассматриваемого явления, социальных и психологических механизмов его реализации»². Соответственно без четкого определения феномена терроризма значительно затрудняется противодействие ему на государственном, межгосударственном и юридическом уровнях.

Отсутствие четкого определения понятия «терроризм» хорошо иллюстрирует пример палестинского Исламского движения сопротивления (более известного как ХАМАС). Это движение в Израиле, США, странах ЕС и т. д. занесено в список террористических организаций. И, надо думать, не без оснований. Однако, будучи легальной политической силой в Палестинской автономии, более того, одержав победу на парламентских демократических выборах, ХАМАС воспринимался Россией уже не в качестве террористической организации, а как потенциальный участник переговорного процесса на Ближнем Востоке, что вызвало резкую критику со стороны Израиля и стран Запада. В то же время в России решением Верховного суда РФ (14 февраля 2003 г.) запрещена деятельность таких организаций, как «Хизб ут-Тахрир» и «Братья-мусульмане», признанных террористическими³. Тогда как в ряде других стран эти организации не признаются в качестве террористических группировок. Если бы существовало общепринятое четкое определение слов «терроризм», «террористический», то была бы и ясность в конкретном вопросе отношения к ХАМАС, «Хизб ут-Тахрир» и «Братьям-мусульманам».

Понятие «терроризм» далеко от нейтральности – оно имеет политическую и эмоциональную окраску. А это приводит к тому, что точное определение этого феномена оказывается затуманенным. Существуют десятки, если не сотни определений слова «терроризм». С нашей стороны, было бы чрезмерно самонадеянным претендовать на поиск некоего универсального определения. Однако при этом хотелось бы расставить некоторые акценты, которые, как нам представляется, приближают к лучшему пониманию данного феномена.

По сути дела, единственными не подлежащими сомнению фактами остается признание терроризма злом и необходимость борьбы с этим злом. Однако необходимо четкое понимание, что же такое терроризм.

В этой связи можно вспомнить статью бывшего министра иностранных дел Великобритании Дэвида Миллибэнда, опубликованную в январе 2009 г. в газете «Гардиан». В статье, озаглавленной «Война с терроризмом была ошибкой», глава британского внешнеполитического ведомства признал, что поддержанная ранее Великобританией американская концепция «войны с терроризмом» *war on terror* как с единым врагом была ошибочной: «Идея “войны против террора” давала впечатление об объединенном, транснациональном враге, воплощен-

² Антонян Ю.М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 5.

³ См.: Силантьев Р.А. Ислам в современной России. Энциклопедия. М., 2008. С. 141–146.

ном в фигуре Усамы бен Ладена и «Аль-Каиде». Реальность состоит в том, что мотивации и особенности террористических группировок несопоставимы. «Лашкар-и-Таиба» имеет корни в Пакистане и озабочена Кашмиром. «Хезболла» утверждает, что выступает за сопротивление оккупации Голанских высот. Шиитские и суннитские повстанческие группировки в Ираке имеют мириады требований. Они столь же многообразны, как и европейские движения 1970-х (ИРА, группа Баадера-Майнхоф и ЭТА). Все использовали терроризм и иногда поддерживали друг друга, но их цели не были едиными, а их сотрудничество было оппортунистическим. Так обстоит дело и сегодня»⁴. В этом замечании есть немалый смысл. В конечном счете, для того чтобы правильно вести войну, надо четко понимать – против кого и против чего она ведется. И потому-то расплывчатое *war on terror* никакой ясности не привносит.

Зачастую проблема определения терроризма возникает из-за смешения двух взаимосвязанных, но отнюдь не равнозначных понятий – «терроризм» и «террор». Ситуация усугубляется и тем, что прилагательное «террористический» относится к обоим этим родственным, но не тождественным понятиям.

Достаточно емким кажется определение терроризма как систематическое, социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия либо угроз применения такового, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении и достигаются преследуемые террористами цели⁵. Но следует заметить, что важной сущностной характеристикой терроризма является его направленность, идущая «снизу». Иными словами, *субъектом терроризма являются личности или структуры, не обладающие достаточной долей легитимности для осуществления политического насилия*. В этой связи представляются неверными утверждения о терроризме, когда речь заходит о терроре, осуществляемом государством. (Уместно вспомнить знаменитое ленинское определение государства как «аппарата насилия».) В этой связи уместно обозначить как по меньшей мере дискуссионную правомерность выделения при классификации терроризма так называемого «государственного терроризма» (в случаях, если государство практикует насилие в отношении оппозиции, групп, категорий или целых слоев населения инспирируется самим государством и реализуется через силовые структуры под предлогом защиты государственных, общественных или общенациональных интересов или же если терроризм является одним из методов реализации внешней политики государства, причем эти методы состоят на вооружении спецслужб или финансируемых государством террористических центров и организаций).

Впрочем, следует оговориться, что эта тема остается спорной и требующей детального изучения и обсуждения. Является ли проявлением терроризма операция израильских спецслужб «Гнев Божий» по ликвидации организаторов террористического нападения на израильских спортсменов во время Мюнхенской Олимпиады 1972 г.? Или можно ли расценивать как терроризм убийство одного из лидеров палестинской группировки ХАМАС Махмуда аль-Мабхуха в январе 2010 г. в Дубае – предположительно агентами израильских спецслужб? С формальной точки зрения действия спецслужб по «манере исполнения» носили характер террористического акта. Но, будучи «освящены» легитимностью государства, вряд ли они могут быть отнесены к разряду терроризма. В то же время возникает вопрос о том, как расценивать террористические акты против мирных граждан, которые осуществляются за рубежом спецслужбами других государств (или, во всяком случае, приписываются им)? К числу таких терактов можно отнести взрыв самолета компании *PanAm* над шотландским городом Локерби (декабрь 1988 г.), ответственность за который Запад возложил на ливийские спецслужбы, или

⁴ Milliband D. "War on Terror" Was Wrong // The Guardian. 2009. 15 Jan. <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/jan/15/david-miliband-war-terror>

⁵ Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С. 11.

приписываемый им же взрыв на дискотеке в Западном Берлине в 1986 г. Если предположить, поскольку причастность Ливии к этим терактам не доказана, что эти преступления были осуществлены спецслужбами Джамахирии, то возникает проблема дефиниции этих насильственных акций, которые по всем признакам могут быть проявлениями терроризма – за исключением той самой важной сущностной характеристики этого феномена, который предполагает направленность терроризма «снизу». Проблема соотношения феномена терроризма с действиями тех или иных государств усложняется таким явлением, как «государства – спонсоры терроризма», широко эксплуатируемого на Западе, прежде всего США. Очевидно, что ряд государств, исходя из различных побуждений, действительно оказывает разнообразную поддержку (финансовую, материальную, учебную, логистическую, идеологическую и т. д.) различным экстремистским группировкам, действующим в других странах. Соответственно эти государства несут часть ответственности за действия спонсируемых ими экстремистов. В то же время нельзя не учитывать того, что порой понятие такого спонсорства выглядит довольно размытым и чаще используется в качестве ярлыка по отношению к недружественным государствам, на которые другие государства желают оказать международное давление. Так, США характеризуют Иран в качестве одного из главных государств – спонсоров терроризма (при этом Тегерану вменяется в вину поддержка таких группировок, как ливанская «Хезболла», палестинский ХАМАС и т. д.). В свою очередь, Иран обвиняет американцев в поддержке экстремистов, действующих против иранского правительства (в частности, организации «Муджахедин-э-Хальк» и суннитской группировки «Джундалла»).

Равным образом дискуссионным является вопрос соотношения терроризма и партизанской войны, тем более что эти феномены не только тесно соседствуют друг с другом, но и имеют тенденцию перетекать друг в друга. Можно ли применять понятие «терроризм» к партизанской деятельности (герилье)? Несмотря на то что партизаны зачастую прибегают к террористической тактике против войск, сил безопасности или полиции противника, ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным. Хотя грань, отделяющая террористическую деятельность от партизанской войны, порой кажется настолько условной, что ее невозможно уловить.

Некоторые исследователи вообще сомневаются, что применительно к современной ситуации разумно использовать термины «терроризм» и «террористы»: мотивируется это тем, что эти понятия слишком размыты и неопределенны. Некоторые авторы предлагают вообще отодвинуть в сторону слово «террорист» и заменить его понятием *Violent Non-State Actor* (Насильственный негосударственный актор, или субъект). Однако и этот термин не совсем корректен при соотнесении с феноменом терроризма. Под это определение попадают как субъекты, строящие свои насильственные действия на идейной (политической и/или религиозной, к примеру) основе, так и те структуры/лица, которые совершают насилие из соображений главным образом материальной выгоды (организованные преступные группировки). С другой стороны, можно ли причислять к феномену терроризма деятельность экстремистских молодежных групп типа скинхедов, деятельность которых вполне можно рассматривать в контексте понятия *Violent Non-State Actor*. Более того, насильственные акты, предпринимаемые «бритоголовыми», имеют идеологическую мотивацию (расовое превосходство и т. д.). Однако вопрос отнесения скинхедов к разряду террористов остается крайне сомнительным. Таким образом, понятие «насиленного негосударственного субъекта» представляется чересчур широким, не в полной мере учитывающим специфику терроризма как феномена.

Как справедливо отмечает американский исследователь Роберт П. Бэрнидж, еще одним камнем преткновения для всестороннего понимания террористической угрозы является проблема соотношения понятий «террорист» и «борец за свободу» – «то, что для одного терроризм, для другого – борьба за свободу»⁶. Этот автор предлагает в качестве отправной точки для

⁶ Barnidge (Jr), Robert P. Non-State Actors and Terrorism. Applying the Law of State Responsibility and the Due Diligence

различения этих понятий задаться вопросом, можно ли квалифицировать данных конкретных негосударственных насильственных акторов как борцов за свободу. «Если они считают себя таковыми, значит, они должны соблюдать международное гуманитарное право», здесь, в частности, подразумевается вопрос, пытаются ли различать эти акторы военные и гражданские «мишени». По мнению судьи Международного суда Питера Хендрика Койманса, «преднамеренные и неразборчивые атаки против гражданских лиц с намерением их убийства – сердцевидный элемент терроризма»⁷.

Не менее спорным и трудно поддающимся четким определениям является характеристика «политического экстремизма», несомненно более широкого феномена, чем терроризм, который, собственно, «произрастает из политического экстремизма(...). По существу, терроризм является частью экстремизма, так как из широкого ряда его проявлений (мятеж, создание параллельных структур власти, выдвижение ультиматумов, акции гражданского неповиновения, вооруженное сопротивление конституционным органам и т. д.) вобрал в себя наиболее жесткие методы достижения политических целей, допускающие как физическое уничтожение государственных, политических, общественных деятелей, так и убийства рядовых граждан, уничтожение различных материальных объектов»⁸. Обращает на себя внимание определение экстремизма через его агрессивное поведение, «наиболее существенными референтами которого являются, во-первых, нетерпимость к мнению оппонента, ориентированного на общепринятые в данном обществе нормы; во-вторых, склонность к принятию крайних (силовых) вариантов решения проблем; в-третьих, неприятие консенсуса как ценности и делового инструмента каждодневной деятельности и, в-четвертых, неприятие прав личности и ее самой как самоценности»⁹. Все эти черты присущи и терроризму как одной крайней форме политического экстремизма.

Что остается в сухом остатке? *Терроризм – это использование преднамеренного, политически и идеологически мотивированного насилия или угроза применения такого насилия; причем это насилие осуществляет негосударственный субъект – и осуществляет его в отсутствии состояния войны (особенно конвенциональных военных действий).* Проявления терроризма весьма разнообразны по своим масштабам, исполнителям, целям, формам, методам, природе и т. п. Террористические действия предпринимаются в целях принуждения, запугивания или передачи обществу или власти некоего «мессиджа» (и это отличает терроризм от организованной преступности в личных целях).

Сам по себе этот термин относительно «молод» – в лексиконе он появился во времена Великой французской революции. Но тогда, в конце XVIII в., словари определяли терроризм как «систему, режим террора». Иначе говоря, речь шла о «терроре сверху» – в данном случае, о якобинском терроре. Но когда мы говорим о терроризме, мы подразумеваем «терроризм снизу». У современных террористов можно отыскать немало предшественников, действовавших в далекие эпохи. Это и греческие философы, искавшие оправдание «тиранубийству». Это и секта сикариев, убивавшая в I в. н. э. представителей еврейской знати, сотрудничавших с римлянами. Это и средневековая исмаилитская секта ассасинов, наводившая ужас как на крестоносцев, так и на мусульманских владык. Это и многочисленные цареубийцы в Европе (начиная с хрестоматийного Брута до выстрелов в Сараево в 1914 г.), прибегавшие к кинжалу, пуле или яду, чтобы устранить неугодного им монарха. Даже знаменитое «бостонское чаепитие» 1773 г., с которого началось восстание американских колонистов против британского влады-

Principle. The Hague, 2008. P.41.

⁷ Barnidge R.P. Ibidem. P. 42.

⁸ Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С. 11.

⁹ Цит. по: Верховский А., Панп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. С. 12.

чества, теоретически можно рассматривать как теракт – уничтожение собственности в политических целях.

Но вряд ли можно считать перечисленные выше примеры прямыми предтечами современного терроризма (хотя косвенное влияние они явно оказали). Многие исследователи считают, что как систематическое явление терроризм начинается со второй половины XIX столетия. Это время, когда произошел всплеск террористической активности в России («Народная воля» и ее последователи), в Ирландии, Македонии, Сербии, турецкой части Армении, Франции, Италии, Испании и США.

Расцвет терроризма был связан с ростом идей демократии и национализма. Старые методы угнетения со стороны господствующих элит делались все более нетерпимыми. Радикальные борцы с существующим миропорядком искали максимально эффективные, на их взгляд, методы борьбы. Немецкий радикал Карл Гейнцен писал в 1848 г., адресуясь к своим потенциальным последователям: «Если потребуется взорвать полконтинента и пролить море крови, чтобы уничтожить партию варваров, пусть не мучит вас совесть». (Многие современные идеологи терроризма могли бы подписаться под этими словами.) Гейнцен считал, что той мощи, которой обладает власть, следует противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей способна создать максимальный хаос. В этом тоже можно увидеть перекличку с современными адептами терроризма. А другой радикал Иоганн Мост выступал с идеей, что революционеры должны для борьбы с варварской системой использовать варварские же методы. Его слова о том, что уничтожение полицейских – не есть убийство, поскольку они не люди, вполне соотносятся с логикой террористов начала XXI века.

Возможно, самой знаковой террористической организацией второй половины XIX века стали русские «народовольцы». Пиком их успеха стало убийство 1 марта 1881 г. императора Александра II – после чего террористическая активность «народовольцев» упала, чтобы в начале XX века возродиться под знаменем партии социалистов-революционеров.

За пределами Российской империи основными движущими идейными факторами терроризма стали анархизм (особое распространение он получил в Испании и Италии) и национализм (ирландский терроризм против британского господства, армянский терроризм против Османской империи, македонский национализм – против турок, а затем и против Югославии и т. д.). В конце XIX – начале XX века анархистами-террористами были совершены такие громкие акции, как убийство австрийской императрицы Елизаветы (1898 г.), президента Франции Карно (1899 г.), короля Италии Умберто (1900 г.). Помимо «адресного» террора в этот период совершаются и теракты, направленные против случайных невинных людей. Одним из первых таких актов стал взрыв в парижском кафе «Терминус», осуществленный Эмилем Анри и повлекший за собой гибель 20 человек. Сам террорист свои действия объяснил тем, что среди его жертв «невинных не было». В подобной логике можно обнаружить перекличку с мотивацией террористической деятельности современных экстремистов, вдохновляющихся исламистской идеологией.

Вторая половина XIX века становится периодом всплеска национализма в различных странах – причем национализма зачастую сепаратистского толка. И по сей день террористические группировки, выступающие под флагом этнического сепаратизма («Ирландская республиканская армия», «Фронт национального освобождения Корсики», баскская группировка ЭТА, «Тигры освобождения Тамил Илама» и др.) представляют значительный сегмент современного терроризма. Этнонационалистические террористические организации подразделяются на две категории. Первую составляют группировки, ведущие антиколониальную борьбу (см., например, антифранцузскую борьбу в Алжире). В этих случаях террористическое насилие часто является частью более широкой герильи (партизанской войны). Вторая категория включает организации, борющиеся за независимость или автономию тех или иных этнических групп в границах одного государства (реже двух и более): например, баски в Испании, пале-

стинцы в Израиле и т. д. Иногда эта борьба может достигать уровня полноценной гражданской или сепаратистской войны, но обычно главным средством ведения борьбы остается терроризм¹⁰.

Мощный всплеск современного терроризма произошел после Второй мировой войны. С одной стороны, этот всплеск был связан с началом постколониальной эпохи. В то время как одни колонии получали независимость мирным и относительно безболезненным путем, в других упорству метрополии противостояла ожесточенная борьба сторонников суверенитета.

Этнонациональный терроризм, использовавшийся сепаратистскими движениями, стал серьезным фактором событий в послевоенной Палестине, на Кипре, в Алжире, в Кении. К террористической деятельности в антибританской борьбе прибегали, в частности, боевики еврейской националистической организации «Иргун». Одной из ее самых громких террористических акций был взрыв в иерусалимском отеле «Царь Давид» (1946 г.). Широкое применение еврейскими боевиками террористических методов антиколониальной борьбы дает основание некоторым авторам заявлять, что «Государство Израиль родилось из терроризма против Британии и народа Палестины»¹¹. Опыт антибританской борьбы в Палестине использовался и борцами за деколонизацию принадлежавшего тогда Великобритании Кипра боевиками «Национальной организации борцов за свободу Кипра» (ЕОКА).

В мотивированном этнонационалистическими и сепаратистскими соображениями экстремизме отчасти может быть обнаружен прообраз религиозно мотивированного экстремизма – в той степени, в какой та или иная конфессия играет отличительную роль для идентификации того или иного этнического сообщества. Например, соединение арабского национализма с исламскими компонентами проявилось в Палестине на примере таких группировок, как ХАМАС; ирландский национализм ИРА сочетается с приверженностью католической церкви (тогда как экстремисты из числа «лоялистов» демонстрируют свою протестантскую идентичность); на национализм еврейских экстремистов весьма логично накладывается сильное влияние иудаизма; из чеченского националистического сепаратизма выросло салафито-джихадистское движение на Северном Кавказе. Примеры можно продолжать, хотя, конечно, не всегда этнонационалистический и сецессионистский экстремизм может иметь конфессиональное измерение (так, в частности, оно не выражено в случае с баскской группировкой ЭТА или курдскими сепаратистами). В то же время имеется ряд примеров, когда деятельность экстремистов сепаратистского толка базируется главным образом на конфессиональной основе. К таковым относится, в частности, борьба сикхских экстремистов за создание на территории индийских штатов Пенджаб, Химачал-Прадеш и других сикхского государства Халистан.

С другой стороны, рост левых (более того, левацких) настроений в молодежной, студенческой и интеллектуальной среде на Западе, особенно начиная с конца 1960-х гг., привел к тому, что основным идейным содержанием терроризма этого периода была левизна – будь то националистического (например, ольстерского, баскского, палестинского) или интернационального (наднационального) толка. Хотя к террористической деятельности прибегали – пусть и в значительно меньших масштабах – представители праворадикального спектра, характерной чертой этого периода стало наличие ярко выраженных симпатий значительной части левой интеллектуальной публики на Западе по отношению к террористам-левакам. В 1960-е гг. на Западе большую популярность завоевывают пришедшие из стран третьего мира понятия сельской партизанской войны (теоретиками ее являются Мао Цзэдун, Хо Ши Мин, Эрнесто Че Гевара) и городской герильи («классиком» считается бразильский ультралевый террорист Карлос Маригелла, написавший «Мини-учебник городской герильи»). Эти теоретические разра-

¹⁰ Law R. *Terrorism: A History*. Cambridge, 2009. P. 179–180.

¹¹ Barghothi J. *International terrorism in historical perspective // Comparative criminal justice: traditional and non-traditional systems of law and control*. Prospect Heights, IL, 1996. P. 84.

ботки наложили отпечаток и на идеи, равно как и на деятельность прежде всего западноевропейских экстремистов ультралевого толка.

В это время возникают террористические группировки как в индустриально развитых странах («Фракция Красной армии» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, «Красная армия» в Японии и др.), так и в странах третьего мира («тупамарос» в Уругвае, аргентинские «монтерос», маоистская организация «Сияющий путь» в Перу, палестинские левонационалистические группировки и т. д.). Случайно или нет, но самые мощные террористические группировки левацкого толка 1960–1980-х гг. на Западе возникли в тех странах, которые составляли в годы Второй мировой войны силы «Оси» – в Германии, Италии и Японии.

Именно в этот период – в 1960–1980-е годы – терроризм начинает приобретать международный, транснациональный характер. Выражалось это не только в сделавшемся более доступным и легком перемещении террористов из одной страны в другую. Возникали связи между различными террористическими группировками в разных странах. Именно это позволило говорить о рождении некоего «террористического интернационала». И в этом смысле светские террористические группировки леворадикального и/или националистического свойства стали в известном смысле предтечами транснациональной деятельности адептов «глобального джихада» в 1990–2000-х гг. Объединенные группы немецких и палестинских террористов участвовали в захвате участников саммита ОПЕК в Вене в 1975 г. и в угоне в 1976 г. самолета *Air France* в Энтеббе (Уганда). Японские ультралевые террористы совместно с арабами из «Народного фронта освобождения Палестины» устроили кровавую бойню в аэропорту Лод. Это только самые яркие примеры проявления на практике террористического интернационализма.

Причем «кооперация» не ограничивалась сотрудничеством внутри одного политического спектра (не случайно западногерманские террористы из группы Андреаса Баадера и Ульрики Майнхоф именовали себя «Фракцией Красной армии» – подразумевалось, что существует «всемирная» Красная армия, еще одной фракцией которой были отличавшиеся особой жестокостью бойцы «Японской Красной армии»), возникало взаимодействие группировок с разными идеологическими мотивациями. Политически мотивированные покушения и убийства (как конкретных личностей, так и случайных людей), похищения людей, захват заложников, взрывы в общественных местах, захват транспортных средств (от поездов до самолетов), даже суицидальный терроризм (так, трое террористов из «Японской Красной армии» совершили теракт 31 мая 1972 г. в израильском аэропорту Лод, жертвами которого стали 26 человек – в большинстве христиан-паломников из Пуэрто-Рико. При этом «красные камикадзе» перед терактом поклялись друг другу умереть и сознательно расстреливали друг друга) – все эти проявления были характерны для этого периода. И, забегая вперед, отметим: с этой точки зрения исламистские террористы конца XX – начала XXI века в практику терроризма не принесли много принципиально нового. Весь практический «инструментарий» фактически достался им «по наследству» от террористических группировок, выступавших под светскими лозунгами.

Даже с точки зрения теории и идеологических построений, как это ни парадоксально, между секулярными (чтобы не сказать атеистическими) ультралевыми террористами и возводящими набожность во главу угла сторонниками «глобального джихада» конца XX – начала XXI века. существует немало сходных черт на структурном уровне. Та же ненависть и непримиримость к инакомыслию, то же манихейское видение мира, четко разделяемого на «добро» и «зло», такое же неприятие западных институтов и телеологичность (если в случае тоталитарных идеологий левого спектра борьба ведется за приближение бесклассового будущего, то в другом случае – за создание идеального халифата).

Еще одним – и, быть может, первостепенно важным – фактором, характеризующим особенности развития терроризма в 60–80-е годы минувшего столетия, стала взаимосвязь между терроризмом и приобретшими доселе не виданную мощь средствами массовой информации.

Еще в 1978 г. американский исследователь Дж. Б. Белл отмечал, что «по сути дела между террором и его освещением возник симбиоз. Методом “проб и ошибок” террористы научились режиссировать такие идеальные с точки зрения средств массовой информации “новости”, что эти средства просто не могут устоять перед соблазном немедленного освещения»¹². Волей-неволей СМИ превратились в тот рупор, через который террористы разносили свой «мессидж» по всей планете. Если в прежние времена террористы, без сомнения, рассчитывали на общественный резонанс от своих «акций», то в нынешние, с массовым распространением радио и телевидения, а в более поздний период – и Интернета, террористические группировки принялись использовать возможности массмедиа в полном масштабе, заявляя о себе во весь голос, рекламируя себя, знакомя самые широкие аудитории со своими идеологическими установками и практическими требованиями, и что еще более опасно, рекрутируя себе новых сторонников – прежде всего из молодежной среды. С развитием информационных технологий террористическая деятельность все больше превращается в PR-проект, а возможности экстремистов пропагандировать свою идеологию, распространять нужную им информацию и дезинформацию благодаря Интернету и другим коммуникационным технологиям становятся поистине безграничными.

Вполне можно согласиться с теми авторами, которые считают, что терроризм не принадлежит к числу «открытий» XX века, но именно «в терроризме новой волны стал проявляться принципиально иной подход, немыслимый ни в XIX, ни в первой половине XX столетия. Этот терроризм направлен не против отдельных государственных деятелей, в большей или меньшей степени ответственных за политику, а против мирных жителей. Это изменение порождено тем, что после Второй мировой войны на Западе постепенно ушли в прошлое все авторитарные режимы. Демократия поставила политиков в большую зависимость от народа, а потому кровь, безвинно проливаемая этим самым народом, стала стоить гораздо дороже, чем раньше»¹³. Действительно, смысл действий большинства современных террористов состоит вовсе не в физическом уничтожении конкретных личностей (хотя применяется и террор в отношении тех или иных политиков – убийство в 1981 г. президента Египта Анвара Садата, убийства Индиры и Раджива Ганди, убийство премьер-министра Израиля И. Рабина, убийство президента Чеченской Республики А. Кадырова, покушение на президента Ингушетии Ю. Евкурова в 2009 г. и др.), и даже не в причинении максимально большого ущерба обычным людям, а в сеянии в тех или иных общностях (от ограниченных социальных групп до глобальных масштабов) атмосферы страха, не уверенности и недовольства правящими элитами. Традиционно терроризм подразделялся по характеру влияния на межгосударственные отношения и в зависимости от гражданской принадлежности субъектов террористической деятельности на внутренний терроризм (когда к нему причастны граждане собственной страны, а последствия и ущерб от их действий не выходят за ее рамки) и терроризм международный, акции которого, осуществляемые гражданами одной или нескольких стран, направлены на подрыв конституционного строя иных государств либо международный правопорядок или международные отношения в целом. Это разделение так или иначе существует и по сей день, но к числу характеристик, определяющих лицо современного терроризма, относится все большее размывание границ между международным и внутренним терроризмом. Согласимся с мнением, что «большинство даже тех группировок, цели которых локальны (тамильские, курдские, кашмирские, палестинские, центральноазиатские или северокавказские террористы), все чаще интернационализируют многие аспекты своей деятельности»¹⁴. И это тем более так, когда речь идет о террористических груп-

¹² Терроризм в современном капиталистическом обществе. Вып. 1. М., 1980. С. 57.

¹³ Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена. М., 2002. С.13.

¹⁴ Степанова Е. Транснациональное джихадистское движение и локально-региональный исламистский терроризм в 2005–2006 гг. // Год планеты: ежегодник. Вып. 2006 г. М., 2007. С. 65.

пировках, декларирующих универсальные цели. «Основной формой современного глобального терроризма стала активность ячеек транснационального джихадистского движения»¹⁵, представляющего весьма сложный феномен.

Задающий тон на современной сцене «исламистский терроризм», будучи, с одной стороны, явлением качественно новым (прежде всего с точки зрения мотивации своей экстремистской деятельности, а также тех возможностей, которые дают террористам глобализация и технологические достижения), с другой стороны, в структурном плане не привнес в практику мирового терроризма принципиально новых элементов, развивая, по сути дела, тенденции, заложенные идеологически или этнонационалистически мотивированными террористами предшествующих десятилетий. Это касается и транснационального, универсального характера деятельности, и характера террористических операций (даже приписываемые исламистам в качестве особо присущего им элемента суицидальные теракты не являются их изобретением), и умелого использования возможностей массмедиа и т. д. «“Новый” терроризм вышел за пределы национальных границ и объявил своим врагом весь современный западный мир. Причем удары наносятся уже не обязательно по королям и президентам: жертвой может стать любой турист, прохожий, пассажир, покупатель в любом из государств»¹⁶, – эти слова полностью могут быть отнесены к воинствующим адептам «глобального джихада» XXI века, но были сказаны о других террористах – тех, что действовали в 1960–1970-е гг., среди которых не встречалось еще тех, кто выступал под мусульманскими знаменами.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Терроризм в современном капиталистическом обществе. Вып. 1. М., 1980. С. 58–59.

Глава 1. Исламистский террор: норма или извращение

Конец XX – начало XXI века ознаменовали новую страницу в истории терроризма. На авансцену выходят террористические и экстремистские организации, в основе деятельности и идеологии которых лежит прежде всего религиозная мотивация. При этом такие группировки имеют тенденцию к доминированию в общемировом террористическом процессе. По подсчетам, приводимым исследователем Брюсом Хоффманом, в 1990-х гг. рост числа религиозных террористических групп в соотношении со всеми действующими международными террористическими организациями не только продолжился, но и значительно ускорился. «К примеру, в 1994 году треть (16) из 49 известных международных террористических групп, действовавших в тот год, может быть отнесена к религиозным по своему характеру и/или мотивам; а в 1995 году, по которому имеется наиболее полная статистика, их число снова выросло, составив около половины (26, или 46 %) из 56 известных действующих международных террористических групп»¹⁷.

Характерно, что в подавляющем большинстве многочисленных исследований феномена терроризма, относящимся к 1960–1980-м гг., речь даже не заходит о религиозном мотивированном терроризме, а тем более о терроризме, базирующемся на исламистском видении мира. Между тем теоретическая база исламизма была разработана в конце 1960-х гг. такими идеологами, как Маудуди в Пакистане, Кутб в Египте и Хомейни в Иране. Маудуди и Саид Кутб оказывали влияние на мусульман-суннитов, а аятолла Хомейни – прежде всего на шиитов. Но все трое разделяли взгляд на ислам как на политическое движение и призывали к установлению исламского государства. Выступая против секулярного национализма, эти идеологи также были против тех представителей традиционного ислама, которые политической борьбе отводили второстепенное место¹⁸. Но до применения теоретических разработок на практике потребовалось немало времени.

Ситуация начинает резко меняться с 1980-х гг. Только отчасти этот процесс связан с ближневосточным конфликтом (хотя арабо-израильское противостояние сыграло и продолжает играть огромную роль в становлении новой фазы террористической деятельности). Несомненно, Ближний Восток сделался в определенный момент средоточием террористической активности различных группировок – прежде всего тех, которые провозгласили своей целью борьбу с Израилем не на жизнь, а на смерть – ради создания Палестинского государства. В определенном смысле можно говорить, что из национально-освободительных движений, действовавших от имени арабского народа Палестины, в конце концов проклюнулись всходы и исламистского терроризма в регионе (прежде всего – ХАМАС в Палестине и «Хезболла» в Ливане).

Но даже террористическая деятельность разнообразных палестинских группировок в 1960–1980-е гг. носила прежде всего национально-освободительный характер, а исламский фактор если и присутствовал в ней, то лишь на втором плане. Конечно, и в более ранний период в исламском мире существовали радикальные и экстремистские группировки вроде «Братьев-мусульман». Но говорить собственно об «исламском этапе» палестинского сопротивления можно лишь с появлением группировки ХАМАС в 1987 г. на волне первой интифады. Несомненно, критическую роль в появлении нового феномена – исламистского терроризма – сыграло несколько факторов. Это *исламская революция 1979 г. в Иране, война в Афганистане и распад биполярной мировой системы* (когда старые идеологические направления уступили место религии в качестве мотива для террористической деятельности). В конце 1980 – начале

¹⁷ Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. С. 109.

¹⁸ Kepel G., Roberts A.F. Jihad: the trail of political Islam. L., 2005. P. 5

1990-х гг. происходит практически полное отделение чисто исламистского экстремизма от разных наслоений (типа левизны или правизны). Во многом этот процесс связан с крушением в это время биполярной системы миропорядка. Именно благодаря такому миропорядку существовавшие уже в то время зачатки исламистского терроризма не выпячивались, а вполне вписывались в идеологические рамки «холодной войны». Примером, который приводится чаще всего, служит Усама бен Ладен, воевавший в Афганистане на стороне моджахедов против советских войск и пользовавшийся косвенной поддержкой со стороны американских спецслужб.

Было бы вернее заметить, что названные выше факторы – лишь некие вехи, обозначившие проявление феномена глобального исламистского терроризма. Однако было бы неправильно сводить этот феномен исключительно к этим факторам. На самом деле он есть сочетание целого ряда «ингредиентов» как религиозного, так и сугубо светского характера, и представляет собой следствие множества долговременных и кратковременных процессов как внутри исламского мира, так и за его пределами. В том числе движения, ратующие за «глобальный джихад», надо рассматривать в контексте процессов глобализации, имеющей наряду с позитивными и негативные эффекты. «Сопутствующие ей информационная революция и революционные технологические изменения позволили негосударственным субъектам играть существенно более заметную роль в международной политике. При этом возникновение новых субъектов действия далеко не всегда укладывается в рамки парадигмы формирования «глобального гражданского общества». Обратной стороной «неправительственного порядка» можно считать широкое распространение транснациональных террористических организаций»¹⁹.

Следует отдавать себе отчет, что выходу на передний план экстремистов, выступающих под зеленым знаменем ислама, если и был для многих неожиданностью, то ему предшествовало немало событий и процессов, готовивших почву для этого выхода.

Существует немало подходов, объясняющих появление в качестве субъекта мировой политики экстремистов и террористов, выступающих под религиозными (в данном случае мусульманскими) лозунгами. Это экономические объяснения (чаще всего – и не бесспорно – утверждается, что исламский экстремизм порождается бедностью, низким социально-экономическим уровнем жизни в мусульманских странах и т. д.), политические (господство репрессивных режимов, коррупция, клановость, невозможность политического участия в общественной жизни и т. д.), идеологические (распространение салафитских идей нетерпимости), бихейвиористские (как специфический тип поведения, основанный на исключении и нетерпимости к инакомыслящим), психологические, функционалистские (религия как орудие для достижения политических целей) и др.²⁰. Очевидно, что часть из этих объяснений может быть ошибочной или явно преувеличенной. Приходится согласиться с мнением, что продуктивной окажется комбинация нескольких объяснений.

К числу вышеупомянутых процессов, несомненно, следует отнести ярко проявившиеся процессы религиозного возрождения – в данном случае в исламском мире. Ряд авторов помещают его в рамки глобального возрождения религии на фоне экономической и социальной модернизации во второй половине XX века. «Это возрождение, *la revanche de Dieu*, как назвал его Жиль Кепель, проникло на каждый континент, в каждую цивилизацию и практически в каждую страну. В середине 1970-х, как заметил Кепель, курс на секуляризацию и замирение религии с атеизмом «развернулся в обратную сторону. Появился новый религиозный подход, ставящий своей целью уже не принятие светских ценностей, а возвращение священных основ

¹⁹ Соловьев Э.Г. Террористические сети и оружие массового поражения // Современные политические процессы и имидж России. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 87.

²⁰ Подробно об этих подходах и объяснениях см.: Наушкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Наушкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. М.—Н. Новгород, 2008. С. 459–471.

для организации общества – изменив для этого общество, если необходимо. Выраженный множественностью способов, этот подход пропагандирует отказ от претерпевшей неудачу модернизации, объясняя ее провал и тупиковое положение отходом от Бога»²¹. Отчасти эти процессы оказались связанными с глубоким кризисом, в котором очутились доминировавшие прежде секулярные идеологии, особенно на фоне окончания «холодной войны». Общая тенденция нашла свое отражение и в смене идеологических приоритетов экстремистских групп. Как замечает Б. Хоффман, «религия стала куда более распространенным мотивом для террористической деятельности в эпоху, последовавшую за окончанием “холодной войны”, чем старые идеологические направления, чью несостоятельность продемонстрировал развал СССР и крушение коммунистической идеологии, в то время как щедрые обещания либерально-демократических капиталистических государств, торжествующих по поводу того, что Фрэнсис Фукуяма в своем знаменитом изречении назвал “концом истории”, никак не выполняются во многих странах по всему миру»²².

Исламистские группировки действовали – а некоторые и весьма активно – и в 1950-е, и 1960-е, а тем более в 1970-е годы, однако их деятельность носила скорее локальный характер. События на Ближнем Востоке в 1945–1967 гг. раз за разом демонстрировали неудачи секулярного арабского национализма, что в немалой степени способствовало росту популярности альтернативных проектов – прежде всего в виде радикального исламизма.

Панарабизм, развивавшийся с конца XIX века на фоне требований арабских националистов выхода арабских стран из состава Османской империи, усилился после Первой мировой войны. Общим стремлением было создание объединенного арабского государства на территории Аравийского полуострова и Ближнего Востока. Как известно, надежды панарабистов на возникновение такого государства не оправдались: секретное британско-французское соглашение Сайкса–Пико (1916 г.) нарушило обязательства, взятые англичанами о создании после разгрома турок независимого арабского государства. Раздел арабских земель, устроенный европейскими державами после Первой мировой войны заронил семена раздора на многие десятилетия вперед. Вместо единого арабского государства, о котором мечтали деятели арабского национального движения, возникло несколько небольших государств, попавших в сферу влияния Запада.

Второе дыхание панарабизм приобрел благодаря распространению в арабском мире левонационалистических идей в середине XX века. Особое влияние на развитие панарабистского движения оказали палестинский вопрос и создание еврейского Государства Израиль. В ряде стран панарабизм был возведен в ранг государственной идеологии, усилилось влияние панарабской партии «Баас» (Партия арабского социалистического возрождения).

Но попытки панарабских сил разрешить арабо-израильский конфликт, обеспечить хотя бы видимость арабского братства и единства терпели крах. На этом фоне в арабском мире начинает зарождаться растущая популярность исламизма. В становление и разрастание современного исламизма, несомненно, внесли свою лепту такие события, как Шестидневная война 1967 г., следствием которой стало унижительное поражение арабских армий; как Война Судного дня 1973 г., тоже не слишком удачная для арабских стран; и мировой нефтяной кризис. Однако, пожалуй, самыми значительными вехами этого процесса стали победа исламской революции в Иране и сопротивление вводу советских войск в Афганистан. Конец 1970 – начало 1980-х гг. знаменовался также другими событиями, которые наложили отпечаток на развитие исламизма как мощной силы, приобретающей не только региональное, но и глобальное измерение (можно вспомнить захват Великой мечети в Мекке исламистскими фанатиками, провозгласившими одного из своих лидеров – Абдаллу Хамида Мохаммеда аль-Кахтани – «Махди»,

²¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 139.

²² Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. С. 109–110.

спасителем ислама; убийство в 1981 г. египетского президента Садата; исламистский мятеж 1982 г. в Сирии).

События, происходившие в конце 1980 – начале 1990-х гг., похоже, окончательно закрепили успех исламизма – и исламизма воинствующего – как нового актора на мировой политической арене. Здесь критическую роль сыграл вывод советских войск из Афганистана, воспринятый как унижающее поражение, нанесенное моджахедами сверхдержаве. На этом фоне война в Персидском заливе, сопровождавшаяся присутствием иностранных войск на священной для мусульман земле Саудовской Аравии, вызвала немалое недовольство в исламском мире, в том числе у многих иностранных ветеранов «афганского джихада». Масла в огонь подлил израильско-палестинский мирный процесс, воспринятый многими как капитулянтство со стороны Организации освобождения Палестины – вследствие чего начинает расти популярность исламистов из ХАМАС.

Во многом как следствие этих событий на авансцену международного терроризма выходит исламистский фактор.

Религия – один из важных источников групповой идентичности, которая может обеспечивать единство в сообществе. Религиозная мотивация находится в числе самых древних обоснований для политического насилия в мире. «Религиозные войны и крестовые походы были среди самых опустошительных конфликтов в истории... В некоторых религиозных войнах ясным намерением было уничтожение другой религиозной группы. Завоевание или обращение не рассматривались как реальные опции»²³. Сегодня, на рубеже XX и XXI столетий, мы являемся свидетелями того, как «терроризм во имя религии стал господствующей моделью политического насилия в современном мире. Это не предполагает, что он является единственной моделью, так как национализм и идеология остаются действенными катализаторами экстремистского поведения. Однако религиозный экстремизм стал центральной проблемой для глобального сообщества»²⁴.

Наиболее значительные (с точки зрения как политических предпосылок, так и последствий или числа пострадавших) теракты 1990–2000-х гг. имели значительный религиозный подтекст и/или мотивировку, что подтверждает выделение религии как главной движущей силы в международном терроризме в этот период. К числу таких террористических актов относятся следующие: применение японской религиозной сектой «Аум Синрикё» нервно-паралитического газа зарин в токийском метро (март 1995 г.); взрыв в федеральном здании в Оклахома-Сити (апрель 1995 г.), осуществленный «христианскими патриотами»; взрывы в Нью-Йоркском центре международной торговли (1993 г.), устроенные исламистскими радикальными террористами; убийство израильского премьер-министра Ицхака Рабина (ноябрь 1995 г.), осуществленное еврейским религиозным фанатиком; подрыв исламистами заминированного грузовика в казармах американских ВВС в Дахране (Саудовская Аравия) в 1996 г.; череда антиизраильских терактов, устроенных террористами-смертниками из палестинской группировки ХАМАС (февраль – март 1996 г.); нападение исламистов на иностранных туристов в Египте (апрель 1996 г.) близ отеля «Каир»; убийство террористами из египетской группировки «Гама аль-исламия» 58 иностранных туристов и четырех египтян у храма царицы Хатшепсут в Луксоре; серия взрывов заминированных машин в Бомбее (февраль 1993 г.), в ходе которых погибли более 250 человек; взрывы близ американских дипломатических представительств в Кении и Танзании (август 1998 г.), приведшие к гибели 224 человек; теракт против американского военного корабля *Cole* в йеменском порту Адена (октябрь 2000 г.). Апогеем проявления религиозного экстремизма стала приведшая к гибели нескольких тысяч человек серия терактов 11 сентября 2001 г. в США, в организации которых обвинена исламистская сеть

²³ Lutz J.M., Lutz B.J. Global Terrorism. L., 2008. P. 69.

²⁴ Martin G. Understanding terrorism: challenges, perspectives, and issues. L., 2006. P. 183.

«Аль-Каида». Масштабные теракты, имевшие в той или иной мере религиозную мотивацию, продолжились и в «пост-9/11» эпоху. К их числу относятся взрывы на индонезийском курорте на о-ве Бали, жертвами которых стали более 200 человек (октябрь 2002 г.); осуществленные группировкой «Салафия Джихадия» теракты в Касабланке (Марокко); серия взрывов в поездах в Мадриде (11 марта 2004 г.), повлекшая гибель 191 человека; трагедия с захватом заложников в школе в Беслане (Северная Осетия) в сентябре 2004 г.; убийство амстердамским джихадистом голландского режиссера Тео ван Гога; осуществленная террористами-смертниками серия терактов в Лондоне, в итоге которой погибли более 50 человек (июль 2005 г.); повлекшие многочисленные жертвы взрывы на египетском курорте Шарм-эль-Шейх (июль 2005 г.); взрывы в Мумбаи (Индия) в июле 2006 г., жертвами которых стали более 200 человек; серия терактов в Мумбаи в ноябре 2008 г. Вышеприведенный перечень терактов далеко не полный. Тем не менее он хорошо иллюстрирует мнение экспертов, утверждающих, что «терроризм, мотивируемый в целом или отчасти религиозными взглядами, зачастую приводил к более жестоким актам насилия, в ходе которых гибло большее число людей, чем при менее массовых и гибельных актах насилия, совершенных “светскими” террористическими организациями»²⁵.

Действительно, ситуация, при которой переплетаются политическое насилие и религиозная вера, представляется крайне опасной. Религиозно мотивированный терроризм является более опасным и смертоносным, чем традиционный (секулярный) терроризм – в немалой степени из-за разницы в системе ценностей и способах легитимизации. Терроризм во имя религии, выражаясь словами М. Рансторпа, «беспрецедентен не только сферой своей деятельности и выбором объектов нападения, но также своей смертоносностью и неразборчивым характером»²⁶. По мнению Б. Хоффмана, «ограничения, накладываемые другими [светскими] террористами на творимое ими насилие из желания заручиться поддержкой возможных сторонников, не распространяются на религиозных террористов. Более того, отсутствие потенциальных сторонников в представлении религиозных террористов ведет к санкционированию почти неограниченного насилия, творимого в отношении неограниченного числа мишеней, то есть любого, кто не исповедует одну с террористами религию или не входит в их религиозную общину. Это объясняет риторику, присущую лозунгам “священной войны”, называющим лиц, не входящих в религиозное сообщество террористов, унижительными и умаляющими человеческое достоинство словами»²⁷.

Для «религиозных» террористов насилие (или терроризм) – божественный долг, оправдываемый Священным Писанием (будь то Библия или Коран). Насилие, легитимизируемое религией, делается самоподдерживающимся, поскольку насильственные действия сами по себе рассматриваются как «санкционированные» Богом. Более того, религиозно мотивированные террористические группировки показывают повышенную живучесть в сравнении с террористическими структурами, использующими другую мотивацию (ультралевую, ультраправую, националистическую, сепаратистскую и т. д.). Есть данные, что из всех террористических группировок, действовавших в мире в период с 1968 г. по 2006 г., примерно 62 % прекратили свое существование, тогда как этот показатель для религиозных террористических группировок составляет лишь 32 %. Впрочем, как показывает практика, ни одной религиозной террористической группировке в период с 1968 г. не удалось достичь полной победы²⁸.

Религиозную мотивацию под насильственные действия террористического характера подводят не только адепты радикального прочтения ислама.

²⁵ Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. С. 111.

²⁶ Цит. по: Al-Khattar A.M. Religion and terrorism: an interfaith perspective. Westport, 2003. P. 26.

²⁷ Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. С. 113.

²⁸ Seth J.G. How terrorist groups end: lessons for countering Al Qa'ida / Seth G. Jones, Martin C. Libicki. RAND, 2008. P. XIV.

Есть мнение, что к числу первых религиозных террористических организаций относится действовавшая в I в. иудейская секта зилотов (сикариев), которая сражалась против римской оккупации Палестины и совершила много террористических актов во имя иудейской религии. Эта секта осуществляла кампанию индивидуальных покушений и групповых убийств, отравляя используемые римлянами колодцы и устраивая саботаж в снабжении Иерусалима водой. Будучи в немалой степени проявлением национально-освободительной борьбы против иностранной оккупации, это насилие было в то же время религиозно мотивированным²⁹. Как отмечает исследователь Дэвид Рапопорт, природа мессианской доктрины сикариев одновременно предполагала цель террора и разрешала методы, необходимые для ее достижения. Как результат, можно идентифицировать две цели иудейского терроризма, практиковавшегося этой группировкой: сделать репрессии столь нестерпимыми, чтобы восстание стало неизбежным» и срывать любую попытку примирять противоборствующие стороны³⁰. Некоторые авторы указывают на то, что сикарии стали «ролевой моделью для многих современных еврейских террористических группировок». Современный терроризм, имеющий религиозную мотивацию в иудаизме, начался в первой половине XX века в Палестине, где некоторые еврейские группировки использовали террористические методы в борьбе против британских сил (хотя здесь трудно провести четкую грань между национально-освободительной антиколониальной борьбой и религиозной мотивацией). Проявления политического насилия во имя иудейской религии случались и после образования Государства Израиль. В 1990-е гг. был отмечен ряд террористических актов, имевших религиозную мотивацию и обращенных не только против иноверцев (в частности, арабов-мусульман), но и против светского характера современного Израиля. Так, 1 января 1997 г. израильский солдат расстрелял арабов-покупателей на заполненном людьми рынке в Хевроне, утверждая, что он «получил миссию от Бога». Сходным образом обосновывалось нападение на молящихся арабов в мечети Ибрагима в Хевроне, осуществленное еврейским фанатиком Барухом Гольдштейном в 1994 г., а также убийство израильского премьер-министра Ицхака Рабина (1995 г.) экстремистом, который использовал религиозные взгляды в качестве оправдания этому теракту. Все эти акты, по утверждению их исполнителей, проводились как религиозные миссии с целью установления «нового религиозного царства на земле».

Взрыв в небе над Ирландией самолета индийской авиакомпании *AirIndia* в 1985 г., который до терактов 11 сентября 2001 г. считался рекордным по числу жертв терроризма на воздушном транспорте (погибли 329 человек), приписывается экстремистам-сикхам из сепаратистской группировки «Баббар Халса», выступающей за создание государства Халистан. Ранее, в 1984 г. сикхскими экстремистами была убита премьер-министр Индии И. Ганди.

В современном мире существуют различные экстремистские группировки, действующие под флагом той или иной христианской конфессии (например, противоборствующие католические и протестантские группировки в Ольстере, различные христианские фундаменталистские ультраправые экстремисты в США), иудаизма (например, экстремистская еврейская организация «Кахане хай»), японской синкретической секты «Аум Синрикё» или наводящей ужас на Уганду также синкретической «Армии сопротивления Господа», сочетающей в своей идеологии элементы христианства и местных африканских верований. В Соединенных Штатах действует ряд церквей и групп верующих расистской ультраправой направленности, объединенных понятием «Христианской идентичности». Часть их последователей состоит в организациях, относящихся к разряду террористических. «Многие из правых группировок, действующих в США (...), имеют элементы религиозного пыла, которые помогают объяснить их деятельность. Христианские группировки в США и других странах озабочены опасностью,

²⁹ Al-Khattar A.M. Religion and terrorism: an interfaith perspective. Westport, 2003. P. 26.

³⁰ Rapoport D. Fear and Trembling: Terror in Three Religious Traditions // American Political Science Review. 1984. № 3. P. 669.

исходящей, по их мнению, от секулярного гуманизма, отрицающего законность любого Высшего Существа. Христианские религиозные верования используются для оправдания расизма, антигомосексуальных взглядов и ксенофобии во многих странах»³¹

³¹ *Lutz J.M., Lutz B.J. Global Terrorism. L., 2008. P. 71.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.